

Валерия Поддаева

Евфросинья Керсновская. После ГУЛАГа

14 февраля 2023

В 1982 она раскопала стеклянную банку, спрятанную в небольшом огороде ее эссентукского домика. В ней аккуратными свертками лежали рукописи, которым суждено было расположиться в одном ряду с произведениями Солженицына и Шаламова

Фофочка, как Евфросинью называла мама, родилась зимним днем 1908 в Одессе. Девочка получила хорошее образование, владела несколькими языками – свободно говорила по-французски, румынски и немецки, хорошо понимала английский и испанский, была пытлива до новых наук и очень любила работать на земле. После революции, в годы становления советской власти бессарабским помещикам пришлось сложно. В канун войны, в 1940-м, они эмигрировали в Румынию, а Фофочка осталась. Бороться за справедливость, честь и достоинство. Этого было достаточно,

чтобы отправить бывшую дворянку из Бессарабии исправлять свое вольномыслие в спецпоселение на Нарымских болотах.

Но и в ГУЛАГе Фифочка была неудобным заключенным. Даже во время чудовищных нагрузок она умудрялась честно комментировать происходящее. Сначала ее за острый ум нагружали дополнительной работой: валкой леса, в шахтах, где она была единственной женщиной взрывником, в операционной морга ей было велено обмывать трупы, да помалкивать, она сидела в карцере и получила смертный приговор.

Керсновскую определили к расстрелу летом 44-го за побег из лагеря. Ознакомившись с документом, лишившим в ее жизни, она процитировала Сервантеса: «Требовать справедливости не могу, а милости – не хочу», да еще и подписала «Дон Кихот». Расстрел заменили на 10 лет каторжных работ. Тогда же Евфросинья начала рисовать.

Позже, спустя годы, она откопает в своем маленьком огороде в Ессентуках банку с бумажными свитками и кому-то покажет. Рисунки с доподлинной точностью отражающие жизнь в ГУЛАГе и заметки, которые потом сложились в книгу «Сколько стоит человек» облетят мир и станут бестселлером.

На Кавминводах Керсновская оказалась в 1960-м. Ее шахтерской пенсии хватило, чтобы купить полдомика с небольшим клочком земли в Ессентуках, перевезти из Румынии старушку-мать и, наконец, просто пожить.

Во дворе она построила «Индонезию» - шалаш, в котором спала зимой и летом, вела аскетичный образ жизни и все равно, как любимый Дон Кихот рвалась бороться с ветряными мельницами. То чиновникам жалобы пишет, то с вилами на трактор пойдет, то собой закрывает аллею, чтобы деревья не трогали.

В городе ее считали странной. Но любили. Подростков она водила в походы, рассказывала о природе, бабулькам дарила саженцы роз, а если не находила нужный сорт, садилась на велосипед и ехала за ними куда угодно, хоть в Крым. По осени Евфросинья собирала урожай яблок,

выставляла за ворота и оставляла записку: берите, кому надо. Помогала всем, кто просил помощи. А когда сама захворала, вызвала к себе друзей из Москвы с девочкой Дашей, которая называла ее бабушкой.

Пожалуй, тогда она почувствовала себя счастливой. Старый домишка в Ессентуках, хоть и не походил на их семейное дворянское гнездо, стал для нее самым теплым местом на земле. Евфросинью Антоновну похоронили, как она и завещала, в Ессентуках, рядом с матерью. А домик воспитанница Дарья, которая стала известной московской художницей, превратила в музей. Особое место среди скромных экспонатов занимает «Индонезия», деревянная фигурка Дон Кихота и велосипед, на котором бабушка проехала сотни дорог. Вспоминают странную женщину и «мальчишки с девчонками», которые ходили с ней поход. Проходя мимо домика в курортной зоне по Нелюбина обязательно останавливаются и с тоской смотрят на закрытые ворота – музей открывается на время приезда Дарьи Чапковской, по осени. Тогда художница распахивает ставни и настезь калитку, ставит за порог яблоки в корзине. А ее дочь Евфросинья с улыбкой приглашает всех познакомиться с удивительной судьбой ее тезки.

Фото: Н.Максимов. РИА Новости

Валерия Поддаева